

— Как тебе это удалось? — глухо спросил Цзинчжэ. Его нос покраснел после того, как Жун Цзю безжалостно вытер ему лицо.

Он сидел на ступенях, прижимая к себе ларец, словно величайшее сокровище, и ни на миг не хотел выпускать его из рук.

— После того как с твоей семьёй случилась беда, всё имущество было конфисковано. Пришлось приложить некоторые усилия, но выкупить его удалось, — небрежно пояснил Жун Цзю. — Хоть оно и не может быть записано на твоё имя, но, когда выйдешь из дворца, сможешь туда вернуться.

Цзинчжэ снова и снова перечитывал купчую. Выход из дворца казался чем-то невообразимо далёким, но этот документ в его руках обладал осязаемой, обнадёживающей тяжестью.

— Я никогда не думал, что у меня будет такая возможность... — его голос затих.

— Цзинчжэ, ты хочешь чего-нибудь ещё? — пальцы Жун Цзю медленно и сдержанно коснулись его уха. Чувствительная кожа от одного лишь лёгкого прикосновения мгновенно вспыхнула.

Бархатистый, с лёгким изгибом голос мужчины звучал чарующе. Особенно когда он приближался, его низкий, мелодичный тембр напоминал живую музыку.

Цзинчжэ потёр ухо и осторожно сложил купчую. На мгновение он задумался, а затем тихо спросил:

— Жун Цзю, ты мог бы... сделать для меня кое-что?

Он говорил смущённо, его слова были полны напряжённой неуверенности.

Просить о помощи было для Цзинчжэ непросто. Это казалось чем-то постыдным, отчего голос становился тише, а в каждом слове сквозила осторожность.словно зверёк, выглядывающий из норы, готовый в любой миг юркнуть обратно в темноту.

Если бы Жун Цзю отказал, Цзинчжэ, вероятно, тут же отступил бы, чтобы, свернувшись в глубине своего убежища,лизывать раны и убеждать себя, что так и должно было быть.

— Что ты хочешь? — во взгляде Жун Цзю промелькнула болезненная одержимость. Леденящий холод, скрытый в его голосе, сплетался в завораживающие слова, окутывающие Цзинчжэ. — Скажи, Цзинчжэ.

Он словно уговаривал его выдать самые сокровенные желания.

— Я хочу попросить тебя... обыскать пруд в переднем дворе этого дома. Возможно, там что-то найдётся, — сбивчиво начал Цзинчжэ. Он помолчал, понимая, что Жун Цзю, скорее всего, уже всё разузнал о его семье, и решил ничего не скрывать. — Если оно ещё там... то, возможно, это и есть причина гибели моей семьи.

Цзинчжэ с нежностью ещё раз взглянул на купчую и протянул её Жун Цзю.

Тот поднял бровь:

— Зачем?

— Ты её купил, теперь это твоё.

Прежде чем Жун Цзю успел вспылить, Цзинчжэ торопливо добавил:

— Не подумай, что мне не нравится подарок. Очень нравится, — он поджал губы и улыбнулся.
— Но я во дворце, и хранить такое у себя опасно.

В его комнате и без того хватало опасных вещей, и лишняя купчая, казалось бы, ничего не меняла.

Но именно потому, что это была купчая на его родной дом, Цзинчжэ был предельно осторожен.

Безопасных мест не было, так что лучше оставить её у Жун Цзю.

— Мне очень нравится, правда. Спасибо тебе, Жун Цзю, — сказал Цзинчжэ, опустив глаза. — Когда я стану достаточно силён, я заберу её.

Раз это подарок, его нужно принять.

И хотя этот дар был настолько драгоценен, что Цзинчжэ не знал, как на него реагировать, отказываться он не собирался.

Он не хотел ранить чувства Жун Цзю.

Судя по тому, с какой неохотой он передавал купчую, было ясно, что он не отказывается от подарка, но атмосфера вокруг Жун Цзю всё равно стала мрачнее.

Цзинчжэ склонил голову набок, собираясь что-то сказать, но заметил на одежде Жун Цзю отчётливое мокрое пятно.

— Ой... — смущённо выдохнул он. — Что же делать... твоя одежда слишком заметна.

Если бы промокла только нижняя рубашка, это было бы не страшно. Цзинчжэ сшил для него столько комплектов, что в запасе всегда нашлось бы что-то.

Но это была форма стражника... Такое он сшить не мог.

— Ничего страшного, — ответил Жун Цзю.

Цзинчжэ скорчил гримасу. Легко сказать «ничего страшного», но так ведь любой заметит.

Да ещё и в таком неловком месте, не скажешь же, что водой облился.

Он достал платок и, скорее для вида, протёр грудь Жун Цзю, надеясь развеять его мрачное настроение. Но, коснувшись его, уже не смог оторвать руку.

Жун Цзю усмехнулся:

— Приятно на ощупь?

— Очень, — на автомате ответил Цзинчжэ.

Под твёрдой грудью скрывались, должно быть, упругие мышцы. Он с завистью провёл по ним рукой. Ему бы такое тело, стройное и сильное.

Осознав, что сказал, Цзинчжэ замер и медленно поднял глаза на Жун Цзю. Тот, приподняв бровь, с усмешкой смотрел на него.

Цзинчжэ хотелось провалиться сквозь землю.

А-а-а-а!

Он молниеносно отдернул руку, отступил на несколько шагов и скованно пробормотал:

— Ты в отличной форме. Как... как ты этого добился?

За спиной он нервно сцепил пальцы.

Казалось, он всё ещё ощущал эту твёрдость.

— С детства тренируюсь, — ровно ответил Жун Цзю. — Среди моих наставников был один... он приходился мне дядей.

Цзинчжэ остро почувствовал, что этот «дядя», впервые упомянутый Жун Цзю, был для него особенным человеком. Голос Жун Цзю оставался холодным, но в нём проскользнула едва уловимая теплота.

Совершенно не то, что раньше, когда он говорил о родителях с ледяной ненавистью.

— Твой дядя... заботился о тебе?

— В дела семьи он вмешиваться не мог, но в остальном — да.

Цзинчжэ улыбнулся, и уголки его глаз приподнялись.

Жун Цзю коснулся его лица, кончиками пальцев провёл по уголку глаза, оставляя лёгкий румянец. Он боялся надавить сильнее, словно опасаясь разрушить эту живую, искреннюю радость.

— Чему ты так радуешься?

Иногда он не понимал, как такая мелочь может сделать Цзинчжэ счастливым.

Как люди могут быть так легко довольны?

— Я рад, что в твоём детстве, кроме родителей, был кто-то, кто о тебе заботился, — искренне ответил Цзинчжэ, заложив руки за спину.

Человек не выбирает ни родителей, ни своё происхождение. Родиться нежеланным — ужасно больно.

Цзинчжэ сочувствовал Жун Цзю.

...Но теперь он знал, что в его далёком прошлом не всё было окрашено в кровавые тона, что хоть кто-то дарил ему тепло.

И этой малости было достаточно, чтобы он обрадовался.

— То плачешь, то смеёшься. Твоё настроение переменчивее, чем летний дождь.

— Как бы я ни был переменчив, до тебя мне далеко, — возразил Цзинчжэ. Когда он протягивал купчую, от Жун Цзю исходил такой холод, будто он собирался убить. Вот уж кто мастер менять лица!

Если бы Цзинчжэ не привык к его переменчивому нраву, он бы точно испугался.

Жун Цзю, держа в руке ларец, медленно произнёс:

— Уверен, что не хочешь оставить у себя?

— Не искушай меня, убери скорее, — Цзинчжэ закрыл глаза руками. Конечно, он хотел оставить его себе, но это было опасно!

Жун Цзю ловким движением убрал ларец.

Цзинчжэ с облегчением вздохнул, но тут же услышал холодные слова:

— Ещё одно желание.

Он растерянно поднял голову.

— Купчую я забираю. Твоя просьба ничтожна. Загадай ещё одно желание.

Цзинчжэ засомневался, слушал ли его Жун Цзю вообще.

Неужели он думает, что раз Цзинчжэ отдал ему купчую на хранение, то подарок не принят? Разве он не видел, как Цзинчжэ был тронут?

И с чего это его просьба ничтожна?

Это огромный риск! Если они найдут что-то, связанное с Хуан Цинтянем и семьёй Хуан, это будет означать войну со всем их кланом.

Жун Цзю вообще понимает всю серьёзность ситуации?

— У меня нет желаний, — ответил Цзинчжэ.

Он считал купчую лучшим подарком.

— Будут, — тонкие губы Жун Цзю сжались, придавая ему отстранённый, ледяной вид. — Ты должен придумать ещё одно.

— Подарок, который ты мне сделал, мне очень понравился. Больше ничего не нужно, — не понимал Цзинчжэ.

Разве подарки можно навязывать силой?

— В тебе нет ни жадности, ни честолюбия. Ты должен желать большего, — вкрадчиво, словно змей-искуситель, прошептал Жун Цзю. — Ты должен использовать меня.

Цзинчжэ был слишком добр. Ждать, пока он сам это осознает, придётся вечность, а у Жун Цзю не было столько терпения.

Цзинчжэ замер, с трудом глядя на него.

— Использовать... тебя?

— Тот, кто любит тебя, может стать твоим верным псом. Близкий друг — твоим надёжным щитом, — в спокойном голосе Жун Цзю звучал странный, леденящий холод. — Цепляйся за их слабости, дави на их боль. Ты должен использовать всё, что можешь.

Цзинчжэ с трудом покачал головой.

— Не можешь?

Он кивнул.

— Тогда начни с меня, — спокойно предложил Жун Цзю.

Цзинчжэ в ужасе замотал головой.

— Цзинчжэ, не использовать силу, которая у тебя под рукой, — это расточительство, — со вздохом сказал Жун Цзю. — Это делает тебя уязвимым.

Цзинчжэ изо всех сил пытался понять его логику, но тщетно. Наверное, в этом и есть разница

между психопатом и нормальным человеком, мысленно съязвил он, ухватившись за последнюю фразу Жун Цзю:

— Жун Цзю, чего ты боишься?

— Добрые люди умирают молодыми, — бесстрастно ответил тот. Его голос был настолько ровным и холодным, что напоминал лёд. — Встретив опасность, ты должен выставить вперёд всех, кого можешь использовать, всех, кто может тебя защитить.

Жун Цзю опустил голову, и тень легла на его лицо. Голос был подчёркнуто безразличным, но под этим безразличием клокотала безумная, всепоглощающая страсть.

Всё его самообладание и сдержанность были лишь маской, едва скрывавшей леденящее безумие, которое просачивалось сквозь слова, заставляя стынуть кровь.

— ...Я не могу так поступить, — прошептал Цзинчжэ.

Он не мог. Он даже представить не мог себя таким.

— Разве жизни других не важны?

Может, он и не стал бы переживать о незнакомцах, но это не означало, что он готов... отнимать их жизни.

— Конечно, не важны, — в голосе мужчины прозвучала едкая злоба, и ярость убийцы больше не скрывалась. — Ничья жизнь не сравнится с твоей.

Он схватил Цзинчжэ за плечи, его тёмные глаза горели неистовой, подавленной жестокостью.

— Никогда даже не думай о том, чтобы пожертвовать собой ради кого-то, — острые, как лезвие, слова, казалось, проникали в самую душу. — Любого, кто выживет благодаря тебе, я убью своими руками.

— Спасёшь одного — я убью одного.

В итоге Цзинчжэ так и не придумал нового желания, но был вынужден пообещать, что на следующей встрече скажет, чего «хочет». Это его немного удручало.

В ответ на слова Жун Цзю Цзинчжэ потребовал, чтобы тот поменьше убивал.

И хотя в тот момент у Жун Цзю было странное выражение лица, он всё же согласился.

...А что тут странного? Разве можно убивать людей просто так?

Каждый раз, вспоминая об этом, Цзинчжэ вздыхал.

Он понимал, чего боится Жун Цзю, но следовать его «наставлениям» не мог.

Стать безжалостным... как Жун Цзю? Но ведь и Жун Цзю не такой, думал Цзинчжэ.

В нём есть чувства.

По крайней мере, он любит его.

Внезапно Цзинчжэ осенило.

От любви рождается страх. Именно потому, что Жун Цзю дорожит им, он, Цзинчжэ, стал его слабостью.

Как и говорил Жун Цзю, зная слабости человека, им легко управлять.

А он дорожит жизнью Цзинчжэ.

Поэтому он хочет, чтобы Цзинчжэ стал эгоистичным, безрассудным, стал тем, кто без колебаний использует других.

Не то что спасать, Жун Цзю хотел бы, чтобы он научился убивать.

Цзинчжэ надул губы. Ну хорошо, но даже так, людей, ради которых он готов был бы пожертвовать жизнью, можно пересчитать по пальцам. И если такой человек появится, значит, он ему невероятно дорог... Как тут быть? Неужели Жун Цзю думает так далеко наперёд?

При мысли о том, как их разговор унесло в неведомые дали, Цзинчжэ почувствовал себя разбитым.

Они ведь начинали с подарка на день рождения, верно?

— Скорее, скорее, заносите его!

Снаружи Управления по надзору за дворцовыми залами раздался шум. Цзинчжэ, который сидел в своей комнате, погружённый в раздумья и работу, отложил кисть и выбежал на улицу. Несколько евнухов вносили внутрь окровавленное тело.

От запаха крови Цзинчжэ нахмурился.

Он быстро подошёл. Шумная толпа тут же стихла и расступилась, пропуская его к пострадавшему.

— Лайфу!

Цзинчжэ был потрясён. Изувеченный до неузнаваемости юный евнух оказался Лайфу!

— Что случилось? — Цзинчжэ опустился на колени и нащупал его пульс. Тот был едва ощутим.
— Его наказали?

Он с содроганием посмотрел на растерзанные спину и бёдра Лайфу.

Евнухи, принёсшие его, были его близкими товарищами.

Один из них, всхлипывая, рассказал:

— Мы... мы просто шли по дворцовой дороге и встретили паланкин Вдовствующей императрицы. Лайфу замешкался и не успел вовремя опуститься на колени. Матушка из дворца Шоукан сказала, что он проявил неуважение, и приказала дать ему двадцать ударов палками.

Наказания в этом дворце оценивались не по числу ударов, а по намерению того, кто приказывал.

Если не хотели калечить, то и после тридцати ударов можно было отлежаться и прийти в себя. Но если хотели убить или изувечить, то хватало и пяти, и десяти ударов.

Случай с Лайфу был из второй категории.

Его состояние было слишком тяжёлым. Цзинчжэ не осмелился принимать решения сам и позвал Цзян Цзиньмина.

Но даже Цзян Цзиньмин мог лишь выразить сочувствие и приказать отнести Лайфу в комнату.

С такими ранами простой отдых не поможет.

Цзян Цзиньмин вздохнул, подозвал молодого евнуха и что-то ему прошептал.

Цзинчжэ, видя, как тот уходит, тихо сказал:

— Начальник управления так добр.

Он понял, что Цзян Цзиньмин отправил евнуха в Императорскую аптеку. Пригласить лекаря или даже его ученика они не могли, но можно было описать раны и получить лекарство.

Если заплатить.

И, очевидно, платить собирался Цзян Цзиньмин.

— Это лишь для успокоения совести, — вздохнул тот. Он видел раны Лайфу. Даже если тот выживет, останется калекой.

— Начальник управления, Вдовствующая императрица ведь милосердна, как она могла... — Цзинчжэ запнулся.

Милосердна или нет — неважно, но она создавала такой образ. По крайней мере, на людях она не должна была поступать так жестоко.

Поэтому и приказывала матушка из её дворца, а не она сама.

Зачем такой высокопоставленной особе мараить руки? Подчинённые сами угадают её желания.

Но что же такого случилось, что вызвало такой гнев Вдовствующей императрицы?

— Семью Хуан обвинили, — коротко бросил Цзян Цзиньмин.

Эти слова ошеломили Цзинчжэ.

Он замер так неестественно, что Цзян Цзиньмин удивлённо посмотрел на него. Цзинчжэ не стал спешно скрывать свои чувства, а, наоборот, изобразил ужас и прошептал:

— Как... как это могло случиться?

Цзян Цзиньмин был всего лишь начальником управления, а не главным евнухом-хранителем печати. То, что он был в курсе дворцовых интриг, уже было неплохо, но всех деталей он знать не мог.

Однако кое-какие слухи до него дошли.

— Говорят, всплыло какое-то старое дело, — покачал головой Цзян Цзиньмин. — Вдовствующая императрица несколько раз пыталась попасть во дворец Цяньмин, но Его Величество её не принимает.

Вдовствующая императрица стала в своё время хозяйкой срединного дворца во многом благодаря своей семье Хуан, а став императрицей, она покровительствовала им.

Это был взаимовыгодный союз.

Если Цзиньюань решил расправиться с семьёй Хуан, разве могла она остаться в стороне?

Но Цзиньюань не принимал её...

Не значит ли это, что за этим обвинением стоит он сам?

Император. Взятся. За семью Хуан.

Во дворце Шоукан Вдовствующая императрица, в очередной раз потерпев неудачу, в ярости разгромила свои покои. Её лицо исказилось от гнева.

С тех пор как Цзиньюань убил в её дворце Фэй Чжан, у неё было дурное предчувствие.

Раньше, хоть император и был безрассуден, они с Вдовствующей императрицей жили в странном, извращённом мире.

В те времена Цзиньюань был жесток и кровожаден, и весь дворец жил в гнетущей атмосфере. Но, как ни странно, Вдовствующая императрица с тоской вспоминала то время.

Потому что тогда от Цзиньюаня веяло тленом, казалось, он вот-вот рассыплется, как старая статуя. Они оба молчаливо понимали: император, скорее всего, скоро умрёт.

Цзиньюань, хоть и был жесток, правил усердно. Он решал государственные дела, делал то, что должен был делать. Как император, он, возможно, не был милосерден, но в управлении

страной ошибок не допускал.

Если бы он умер, не оставив наследника, это стало бы огромной проблемой.

А поскольку у Цзинъюаня детей быть не могло, передача трона брату казалась неизбежной.

Возможно, поэтому Цзинъюань был относительно снисходителен к своим братьям.

Относительно.

Но в какой-то момент Вдовствующая императрица поняла: этот сонный, безразличный ко всему зверь внезапно открыл глаза.

И не просто открыл, а явил свою чудовищную, жестокую сущность. Он стал ещё безумнее, ещё яростнее, чем прежде.

Вдовствующая императрица должна была бы радоваться.

Чем безрассуднее вёл себя Цзинъюань, тем больше страдала его и без того шаткая репутация.

Недовольство чиновников росло с каждым днём. Его расправа над ними в начале правления уже настроила всех против него. Он был подобен сухому стогу сена, который ждал лишь одной искры, чтобы вспыхнуть...

Но Вдовствующая императрица заметила неладное.

Цзинъюань очнулся.

Или, вернее, он снова соизволил обратить свой взор на Запретный город.

Она чувствовала тревожные перемены.

Сын Неба, который должен был тихо истлеть на своём троне, по какой-то причине обрёл новую жизнь.

Цзинъюань вызвал к себе имперского лекаря Цзуна из Императорской медицинской академии.

Во дворец Цяньмин Вдовствующая императрица проникнуть не могла, но в академии у неё были свои люди.

Об этом лекаре Цзуне она, разумеется, навела справки. Ведь его в академию привёл сам император.

Такого человека нельзя было оставлять без внимания.

Ему было около сорока, характер странный. Он редко бывал в академии, предпочитая бесплатно лечить бедняков в столице.

Особенно его привлекали редкие и сложные болезни.

Увидев на улице интересного больного, он тут же подходил и предлагал свою помощь. Если больной соглашался, всё было хорошо. Если нет — он оглушал его и уносил с собой.

Весьма своеобразный и сильный лекарь.

Причина, по которой такой искусный врач столько лет прозябал в Императорской академии и не уходил... учитывая его странности, была очевидна.

Удержать Цзун Юаньсиня в академии мог только яд в теле Цзинъюаня.

И теперь Цзинъюань вызвал его.

За все эти годы он ни разу не позволил ни одному лекарю переступить порог дворца Цяньмин!

Цзинъюань. Не хотел. Умирать.

Вдовствующая императрица вцепилась в край стола, её лицо исказила ледяная гримаса:

— Захотел жить — и будешь? В этом мире не бывает так просто!

Она повернулась к своей придворной даме.

— Позови мне драгоценную супругу.

Когда новость достигла дворца Чжунцуй, Хуан Ицзе как раз подводила брови. В бронзовом зеркале отражалась женщина в самом расцвете своей красоты.

Юйши, стоявшая позади, осторожно вкалывала в её причёску нефритовую шпильку. Она хотела что-то сказать, но молчала.

— Говори, что хотела, — улыбнулась Хуан Ицзе, глядя на отражение Юйши. — Разве между нами есть тайны?

— Ваше высочество, семью Хуан обвинили. Если с ними что-то случится...

— С семьёй Хуан ничего не случится, — спокойно ответила Хуан Ицзе.

Но Юйши не успокоилась. Приглашение из дворца Шоукан было подобно смертному приговору, и она не могла скрыть своей тревоги.

— Но, ваше высочество, на этот раз семью Хуан обвиняют из-за старого дела. Откуда только этот проклятый цензор достал улики...

Будучи доверенным лицом драгоценной супруги, Юйши знала больше других.

Семью Хуан обвинили полмесяца назад.

Сначала цензор говорил о мелочах: захват земель, обращение свободных людей в рабство. Для знатных семей это не было большой проблемой.

Кто из них не прибирал к рукам чужие земли? Все знали, как появляются эти бескрайние родовые поля. А где земля, там нужны и рабы для работы.

Хуан Цинтянь тоже поначалу отнекивался, жаловался, и дело замяли.

Так было всегда.

Но на этот раз цензор, словно бешеная собака, вцепился в него мёртвой хваткой, раздобыв где-то доказательства.

И хотя семья Хуан была семьёй Вдовствующей императрицы, если цензор был прав, к нему присоединялись и другие.

Даже святой не выдержал бы такой дотошной проверки, не говоря уже о Хуан Цинтяне. Первые несколько дней были для него сущим адом.

Но, казалось, всё уладилось.

Власть, деньги, репутация — всё можно было купить.

Однако не успел Хуан Цинтянь вздохнуть с облегчением, как левый заместитель министра финансов прямо на утреннем приёме обвинил своего начальника, Хуан Цинтяня, в том, что тринадцать лет назад тот свалил всю вину за казнокрадство на подчинённого, скрыв, что главным виновником был он сам!

Весь двор был в шоке.

Тринадцать лет назад Хуан Цинтянь сам был левым заместителем министра.

Тогда в министерстве финансов разразился скандал с казнокрадством. Хотя Хуан Цинтянь и не был признан виновным, его всё же на несколько лет отстранили от должности.

Вернувшись ко двору, он снова занял пост в министерстве, но уже в ранге министра.

Многие помнили то старое дело.

Именно благодаря своей решительности и принципиальности в том расследовании Хуан Цинтянь и запомнился всем.

И теперь левый заместитель министра обвинял его в том, что всё это было подстроено. Как тут не удивиться!

И у этого заместителя министра были доказательства.

Одно. Очень веское. Доказательство.

При этой мысли даже в глазах Хуан Ицзе промелькнуло беспокойство.

Юйши, хорошо знавшая свою госпожу, прошептала:

— Ваше высочество, может, откажетесь от визита к Вдовствующей императрице?

Они обе знали, зачем Вдовствующая императрица зовёт её.

С тех пор как начались проблемы у семьи Хуан, Вдовствующая императрица несколько раз пыталась встретиться с Цзиньюанем, но ворота дворца Цяньмин были для неё закрыты.

Даже ей приходилось стоять у ворот впустую.

Настроение Вдовствующей императрицы ухудшалось с каждым днём.

Хуан Ицзе с лёгкой улыбкой покачала головой.

— Юйши, когда-то мы сделали выбор, пошли во дворец и остались живы. Теперь пути назад нет.

С помощью Юйши она переделалась и, подняв голову, со вздохом сказала:

— Просто не думала, что это случится так скоро.

Летняя погода менялась стремительно. Ясное утро сменилось проливным дождём. Ливень был такой силы, что все дела пришлось отложить.

Цзинчжэ стоял на верхней ступени крыльца, с тоской глядя на стену дождя. Сегодня он, похоже, не увидит Жун Цзю.

А ведь сегодня пятнадцатое число.

Сквозь грохот дождя кто-то бежал, не разбирая дороги.

Цзинчжэ бросил случайный взгляд и увидел Юнькуя.

Схватив зонт, он бросился под дождь, раскрывая его над ними обоими.

— Ты с ума сошёл? — перекрикивая шум ливня, крикнул он. — В такой дождь, зачем ты пришёл?

— Случилось несчастье! — крикнул в ответ Юнькуй.

Он был сильнее и, выхватив зонт, потащил Цзинчжэ, как цыплёнка, обратно под навес.

— Не стоило давать мне зонт, — сказал Юнькуй, выжимая промокшую одежду. Он посмотрел на Цзинчжэ, который промок не меньше. — Ты и сам не лучше выглядишь.

Цзинчжэ взглянул на дырявый зонт. Если бы не эта внезапная прореха, всё было бы не так плачевно.

— Что случилось?

Он провёл рукой по лицу, поправил съехавшую набок шапочку и посмотрел на Юнькуя.

Тот с досадой посмотрел на разбушевавшееся небо и потоки воды.

— Ты бы видел, что творится на дворцовых дорогах. Всё кишит какими-то насекомыми.

— Насекомыми? Какими? — нервы Цзинчжэ натянулись, и он инстинктивно переспросил.

Юнькуй спешил к Цзян Цзиньмину, но теперь ему пришлось взять с собой и Цзинчжэ.

Он был удивлён.

Цзинчжэ никогда не был таким любопытным.

Сам Цзинчжэ тоже считал себя не слишком любопытным, но слова Юнькуя вызвали у него инстинктивную тревогу.

По дороге Юнькуй вкратце объяснил ситуацию.

Во дворце было много зелени, и летом комары были обычным делом. Но в этом году, ещё до наступления лета, укусы стали невыносимыми.

Цзинчжэ это тоже помнил.

— Не знаю, что случилось в этом году. Дождей много, и насекомых тоже. А сегодня, из-за ливня, из-под стены Управления по закупкам выползла целая туча чёрных жуков и разбежалась с потоками воды, — Юнькуй содрогнулся при воспоминании об этом ужасном зрелище. — Управление по закупкам рядом с Управлением по надзору за дворцовыми залами, я поспешил сюда, чтобы проверить.

И заодно предупредить Цзян Цзиньмина.

Сердце Цзинчжэ необъяснимо сжалось. Увидев впереди дверь в покои Цзян Цзиньмина, он остановился.

— Юнькуй, иди один. Я предупрежу остальных.

Юнькуй кивнул и посмотрел, как Цзинчжэ убегает.

Тот бежал так быстро, что, ворвавшись в свою комнату, перепугал Хуэйпина.

— Цзинчжэ, почему ты такой мокрый? Что ты ищешь?

Цзинчжэ, не отвечая, продолжал рыться в вещах и наконец нашёл коробку с благовониями.

Открыв её, он увидел, что осталось шестнадцать палочек.

Он быстро зажгёт одну, а затем, не боясь обжечься, растёр пепел по своему телу. Оставшиеся палочки он отдал Хуэйпину.

— Зажги. Пусть все остаются в этой комнате, не выходят. Закройте плотно двери и окна, — быстро проинструктировал он. — Если услышите снаружи странные звуки, не открывайте.

Хуэйпин, ничего не понимая, смотрел, как Цзинчжэ накидывает промасленную накидку и выбегает на улицу.

Эта накидка, пропитанная тунговым маслом, не пропускала воду.

Подарок одного из его друзей.

Юнькуй и Цзян Цзиньмин ещё разговаривали, когда дверь с грохотом распахнулась. В комнату, не доложив о себе, ворвался Цзинчжэ.

Цзян Цзиньмин не успел нахмуриться, как Юнькуй вскочил на ноги.

Он видел тревогу на лице Цзинчжэ.

— Юнькуй, это тебе, — Цзинчжэ протянул ему незажжённую палочку благовоний. — Это отпугивает насекомых. Зажги. Если не хватит, когда останется совсем немного, приведи начальника управления ко мне в комнату. У Хуэйпина есть ещё.

— Что ты собираешься делать? — нахмурился Юнькуй, шагнув вперёд. — Я пойду с тобой.

Цзинчжэ отступил и покачал головой.

— Я и сам пока не знаю... У меня очень плохое предчувствие. Я должен пойти и посмотреть. В любом случае, если услышите что-то странное, закройте двери и окна.

Сказав это, он бросился под дождь.

Юнькуй не успел его остановить.

Цзинчжэ был слишком проворным!

Цзян Цзиньмин остановил Юнькуя, который собирался бежать следом.

— Что с вами такое? Что за безрассудство? — нахмурился он.

Юнькуй успел рассказать Цзян Цзиньмину лишь половину, и теперь ему пришлось торопливо заканчивать.

— Ползучие твари? — изменился в лице Цзян Цзиньмин.

— Да, целые тучи, — кивнул Юнькуй.

Неудивительно, что он прибежал сюда. Ведь эти ужасные волны насекомых исчезли в мгновение ока, и Юнькуй боялся, что они с потоками воды доберутся до их управления.

Цзян Цзиньмин, хоть и был тронут, не удержался.

Он ударил Юнькуя по спине и строго сказал:

— Ничего не зная, бросаться сломя голову наружу! И ты, и Цзинчжэ, совсем о себе не думаете!

Юнькуй обиженно надулся. Он ведь даже не успел остановить Цзинчжэ!

Дождь хлестал по голове, унося с собой тепло. Руки и ноги онемели от холода, дыхание стало прерывистым.

Цзинчжэ, тяжело дыша, шёл по дороге от своего управления и, как и ожидал, увидел в воде множество маленьких чёрных точек, которые странно и быстро проносились мимо.

Но стоило им приблизиться к нему, как они в панике разбежались, словно он был чем-то ужасным.

...Наверное, из-за благовоний.

Цзинчжэ грубо растёр пепел по всему телу и накрылся промасленной накидкой, чтобы сохранить запах.

Он уже дошёл до развилки, но странные знаки не исчезали. В этом проливном дожде они создавали жуткое ощущение разверзшихся врат ада.

У Цзинчжэ было дурное предчувствие.

Такой размах, плюс его предыдущие догадки... неужели это...

[Задание 6 провалено.]

Цзинчжэ выругался. Проклятье, он оказался прав.

Это действительно её рук дело!

Она использовала не яд, а насекомых... насекомых-гу?

Если вся эта туча набросится на одного человека, от него останется один скелет!

Цель Вдовствующей императрицы — Цзинъюань, значит, и цель Хуан Ицзе — Цзинъюань!

Где Цзинъюань?

Сердце Цзинчжэ сжалось от ужаса.

Ведь там, где Цзинъюань, там и Жун Цзю!

[Случайный эффект: Я — король.]

[**Эффект: В течение 48 часов (около 24 шихэней) все живые существа, увидевшие носителя, признают его своим королём и падут к его ногам.]

[Примечание: В экстремальных ситуациях может вызвать неадекватную реакцию. Будьте осторожны.]

Цзинчжэ потерял дар речи.

Какой ещё король?

Они с ума сошли!

Он с ужасом представил, как при его появлении все вокруг падают на колени... кошмар!

Хорошо хоть, что король, а не император!

Цзинчжэ тревожно закусил губу. Пальцы похолодели.

От долгого пребывания под дождём тело быстро теряло тепло. Он уже замёрз.

...Холодно, хочется согреться.

Эта мысль возникла инстинктивно.

[Тепла... тепла...]

[Мама, тепла... хи-хи...]

[Накрыть, накрыть, накрыть.]

[Страшно (благоговение), страшно (благоговение), страшно от запаха (благоговение)... тепло (вперёд)!]

Он смутно расслышал тихие голоса.

Они были такими слабыми, что он едва их различал. Неужели показалось? Цзинчжэ бросил взгляд на воду.

И вдруг заметил, что на поверхности воды, которая раньше едва покрывала его сапоги, теперь кишат чёрные точки. Они карабкались друг на друга, двигаясь в его сторону.

Цзинчжэ похолодел от ужаса. Они идут за ним?

Он бросился бежать.

Тучи чёрных точек устремились за ним.

[Мама... мама...]

[Защитить, защитить.]

[Страшный запах. Мама. Защитить.]

Цзинчжэ хотелось плакать. Если вам страшно, не гонитесь за мной, мне тоже страшно!

...И почему он вдруг стал слышать то, чего не должен?

В панике убегая, Цзинчжэ осознал всю ужасающую силу этого «баффа».

Как он может действовать даже на насекомых?!

И почему они называют его мамой?!

Вы ошиблись, вам нужно к Хуан Ицзе!

[Многие виды насекомых живут по принципу матриархата. Их королева — мать. Это обращение верно.**]

— Да разве в этом дело?! — крикнул Цзинчжэ.

Дело в том, что его вот-вот сожрёт эта туча чёрных тварей!

Даже если под действием «баффа» они ему не навредят, он не позволит им ползать по своему телу. Этот кошмар будет преследовать его всю жизнь.

Он бежал, не разбирая дороги, лишь бы подальше от насекомых, и в итоге, спотыкаясь, ввалился в какой-то храм.

Шум дождя заглушил его шаги. Дрожа, он спрятался под навесом.

Почему-то, добежав до этого места, чёрные твари остановились. Он смутно ощущал их присутствие, но предпочёл бы ничего не знать.

...Почему он должен сопереживать насекомым?!

Цзинчжэ хотелось плакать.

Он провёл рукой по лицу. Во время бегства он не успел накинуть капюшон, и дождь смыл большую часть пепла. Хорошо, что они не последовали за ним сюда.

Оперевшись на колонну, он встал и, вытирая лицо, поднял голову. Да это же знакомое место!

Смотря себе под ноги, он снова прибежал в зал Фэнсянь.

Какая-то у него с этим местом странная связь.

Сквозь шум ливня он расслышал какие-то звуки изнутри.

Раньше у него был хороший слух, но не настолько. Наверное, это усиление от «баффа» позволяло ему чувствовать живых существ в радиусе действия... Надеюсь, это люди.

У Цзинчжэ было странное выражение лица.

Надеюсь, что люди.

Он не выдержит ещё одной погони от каких-то тварей.

Следуя своим ощущениям, он осторожно подошёл к двери и прислушался, не решаясь заглянуть внутрь.

— ...ты... знаешь...

Кажется, женский голос.

Знакомый.

— ...Цзин... странный... запах...

Говорила, похоже, только женщина.

Но в храме было как минимум двое.

По крайней мере, её тон указывал на то, что она с кем-то разговаривает.

Но её собеседник молчал.

Это было похоже на Жун Цзю.

— ...Жун... сегодня... умрёшь...

Жун что?!

Какой Жун?!

Цзинчжэ словно ударило током. Он резко выглянул из-за двери.

В храме, как он и предполагал, было двое.

И только двое.

Один стоял, другой сидел на полу, связанный.

Стояла Хуан Ицзе.

А сидел... Жун Цзю!

Цзинчжэ был в шоке. Как это мог быть Жун Цзю? А где император? Плохо! Неужели он подставил Жун Цзю вместо себя и сбежал?

Не дожидаясь развития событий, когда Хуан Ицзе шагнула к Жун Цзю, Цзинчжэ ворвался в храм:

— Стой!

Оба обернулись на его голос.

И Хуан Ицзе, и Жун Цзю смотрели на него очень странно, словно хотели просверлить в нём дыру.

Это действие «баффа»?

Почему-то его охватила смутная тревога, но он не мог понять её причину.

— Слуга приветствует ваше высочество, драгоценную супругу, — стиснув зубы, сказал Цзинчжэ.

Он бросил взгляд на сидящего на полу мужчину и тут же отвёл глаза.

— Почему ваше высочество в зале Фэнсянь без прислуги? Может, мне позвать кого-нибудь для

вас?

Драгоценная супруга была одета не в роскошные наряды, а в простую, удобную одежду, что придавало ей холодный вид. Она остановилась и пошла навстречу Цзинчжэ.

— Не нужно, — сказала она с улыбкой. — Для убийства лучше уединение.

Цзинчжэ осторожно обошёл её, продвигаясь вглубь храма.

— За что вы хотите его убить?

Хуан Ицзе рассмеялась, словно услышала смешную шутку.

— Этот вопрос, Цзинчжэ, тебе следует задать ему. Разве он, когда убивает, ищет причину?

Цзинчжэ на мгновение замолчал. Жун Цзю действительно иногда убивал без всякой причины.

— У вас... с ним вражда? — он тянул время, как мог.

— Враг ему не я, — с лёгкой улыбкой ответила Хуан Ицзе. — А я — лишь орудие.

— Но вы ошиблись, — наконец Цзинчжэ встал между ней и Жун Цзю. — Это Жун Цзю, — его юношеский, чуть хрипловатый голос прозвучал твёрдо. — Мой... друг.

Хуан Ицзе остановилась и странно посмотрела на Цзинчжэ, а затем на мужчину на полу.

— Ха-ха-ха! — она разразилась истерическим, немного хриплым смехом. — Жун Цзю, Жун Цзю... ха, неудивительно, Жун Цзю... а ты знаешь, что он...

Она вытерла слёзы и уже собиралась договорить, как раздался свист меча.

Вжик!

Лезвие ослепительно сверкнуло.

Гибкий меч, взметнувшись снизу вверх, пронзил живот Хуан Ицзе.

Кап, кап...

Крупные капли крови, похожие на цветы, забрызгали пол.

— Кха...

Хуан Ицзе, прикрывая рот рукой, рухнула на колени. Она схватилась за меч, разрезая себе руки.

— Ты...

Меч резко дёрнули назад, нанося ещё больше повреждений.

— Ты... не... — выдавила она. — Не попался...

— Конечно, нет, — прекрасный голос был холоден, как сталь, пронзившая её тело. — Кое-кто постоянно твердит мне, чтобы я не убивал людей без разбора...

Шорох, тёплое тело прижалось сзади, и тот же голос, ледяной и страшный, раздался прямо над ухом Цзинчжэ.

— Я попробовал.

Сильные руки Жун Цзю обняли дрожащего Цзинчжэ.

Хуан Ицзе умирала, а Жун Цзю флиртовал. Что за странная привычка... хотя, его нельзя винить, ведь она первая хотела его убить... кстати, почему она хотела убить Жун Цзю? Это неправильно, она должна была напасть на императора...

Мысли в голове Цзинчжэ путались. Он инстинктивно шагнул вперёд, чтобы посмотреть на рану Хуан Ицзе, но Жун Цзю удержал его.

— Не умрёт, — не позволил он Цзинчжэ отойти ни на шаг. — Насекомые-гу в её теле будут поддерживать в ней жизнь.

Насекомые-гу?

Цзинчжэ едва не задохнулся.

— Это те... чёрные твари снаружи? — слабым, дрожащим голосом спросил он.

— Это низшие твари, — небрежно ответил Жун Цзю. — Они могут лишь обглаживать трупы до

костей.

Цзинчжэ задрожал ещё сильнее. Это называется «низшие»? Они ведь только что пытались на него наброситься!

Холодные пальцы схватили его за подбородок и подняли голову.

— Цзинчжэ, я не убил её, вёл себя прилично. Я был послушным? — Жун Цзю наклонился, и его ледяной голос коснулся уха Цзинчжэ. — Разве... я не заслужил награду?

...Здесь?

И почему... награду?

Цзинчжэ растерянно целовал Жун Цзю. Что-то было не так, но прежде чем он успел опомниться, Жун Цзю увлёк его за собой.

Паника, холод, страх смешались воедино.

Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш...

Странный, назойливый шум раздавался совсем рядом.

Цзинчжэ в ужасе посмотрел на выход.

Это было чудовищное зрелище. Тучи чёрных насекомых скопились у порога, пытались прорваться внутрь, но какая-то неведомая сила не пускала их в зал Фэнсянь.

Жун Цзю обнимал Цзинчжэ, как жадный монстр.

— Ш-ш-ш... Цзинчжэ, не бойся... — голос мужчины был странным, сдавленным, в нём слышалось нездоровое возбуждение. — Я здесь.

Тело в его руках дрожало всё сильнее.

И чем сильнее оно дрожало, тем больше он возбуждался. Извращённая дрожь пробирала его до костей.

Огонь, словно пожар в зале Фэнсянь.

Ха...

Пламя было небольшим и в проливной дождь казалось совсем слабым.

Но странный, густой аромат разносился с потоками воздуха, проникая повсюду.

Насекомые-гу в панике метались, но вскоре замирали и всплывали на поверхность воды.

В маленьком храме, далеко от главного зала, Цзинчжэ смотрел на алое пламя.

— ...Ты сошёл с ума? — прошептал он.

Это же зал Фэнсянь, где хранятся поминальные таблички предков императорской семьи.

И он так просто сжёт его.

Жун Цзю — настоящий безумец.

— Итак, — в холодном голосе прозвучала странная теплота, не такая жестокая, как раньше, но всё равно властная. — Теперь... наше время.

Холодные пальцы сжали мокрую шею Цзинчжэ.

— Когда... ты осмелишься поднять на меня глаза?

<http://bllate.org/book/16993/1588315>